О Жюле Верне и «Таинственном острове»

1

…Незаметно подкралась старость. Уже много лет Жюль Верн не выезжал из Амьена и всё реже выходил из дому. Его мучили головокружения и бессонница. Он страдал от подагры и диабета, почти полностью потерял зрение, стал плохо слышать. Окружающий мир погрузился в полумрак, но он продолжал писать — наугад, на ощупь, сквозь сильную лупу, соглашаясь диктовать сыну Мишелю только в часы крайней усталости.

Из разных стран поступали десятки писем. Иные без адреса: «Жюлю Верну во Францию». Юные читатели просили автографов, с восторгом отзывались о его сочинениях, желали здоровья, подсказывали сюжеты новых романов. Известные учёные, изобретатели, путешественники благодарили писателя за то, что его книги помогли им ещё на школьной скамье полюбить науку, найти призвание.

Массивный шкаф в его библиотеке, отведённый для переводной «Жюльвернианы», был забит до отказа сотнями разноцветных томов, изданных на многих языках, вплоть до арабского и японского. Русские издания едва умещались на двух верхних полках. Но это была лишь частица того, что тогда уже было напечатано во всём мире под его именем.

Всё чаще в Амьен наведывались парижские репортёры и корреспонденты иностранных газет. И Жюль Верн, так неохотно и скупо говоривший о себе и о своём творчестве, вынужден был принимать визитёров и давать интервью. Беседы тут же записывались и попадали в печать.

Почти каждый журналист начинал с традиционного вопроса:

— Месье Верн, не могли бы вы рассказать, как началась ваша литературная деятельность?

— Моим первым произведением, — отвечал Жюль Верн, — была небольшая комедия в стихах: «Разломанные соломинки». Я показал её Александру Дюма, и он не только поставил её на сцене своего «Исторического театра» — это было в 1850 году, — но даже посоветовал напечатать. «Не беспокойтесь, — ободрил меня Дюма, — даю вам полную гарантию, что найдётся хотя бы один покупатель. Этим покупателем буду я!»

Работа для театра очень скудно оплачивалась. И хотя я продолжал писать водевили и комические оперы, только лет через десять мне стало ясно, что драматические произведения не дадут мне ни славы, ни средств к жизни. В те годы я ютился в мансарде и был очень беден. Пора было всерьёз задуматься о будущем. Мой отец не переставал настаивать, чтобы я вернулся в Нант. С дипломом лиценциата прав мне было бы там обеспечено полное благополучие: отец хотел меня сделать совладельцем, а затем и наследником своей адвокатской конторы. Но я уже был «отравлен» литературой и остался в Париже. Моим истинным призванием, как вы знаете, оказались научные романы или романы о науке — затрудняюсь, как лучше сказать…

И всё-таки я никогда не терял любви к сцене и ко всему, что так или иначе связано с театром. Мне всегда было очень радостно, когда мои романы, переделанные в пьесы, начинали на сцене вторую жизнь. В этом отношении особенно повезло «Михаилу Строгову» и «Вокруг света в восемьдесят дней».

— Хотелось бы знать, месье Верн, что побудило вас писать научные романы и как напали вы на эту мысль?

— Меня всегда интересовали науки, в особенности география. И понятно, почему. Истоки будущих увлечений нужно искать в детстве. В нантский порт прибывали корабли со всех концов света. Я мечтал стать моряком, грезил о дальних странствиях, о необитаемых островах и даже попытался однажды, когда мне было одиннадцать лет, удрать в Индию на шхуне «Корали», поменявшись одеждой с юнгой. Любовь к географическим картам, к истории великих открытий никогда не остывала во мне и в конце концов помогла найти свой жанр. Литературное поприще, которое я избрал, было тогда ново и почти совсем не использовано. В занимательной форме фантастических путешествий я старался распространять современные научные знания. На этом и основана

серия географических романов, ставшая для меня делом жизни. Ведь ещё до того, как появился первый роман, положивший начало «Необыкновенным путешествиям», я написал несколько рассказов на подобные же сюжеты, например: «Драма в воздухе» и «Зимовка во льдах».

— Расскажите, пожалуйста, о своём первом романе. Когда и при каких обстоятельствах он появился?

— Приступив к роману «Пять недель на воздушном шаре» — помню, как сейчас, знойное лето 1862 года, — я решил выбрать местом действия Африку просто потому, что эта часть света была известна значительно меньше других. И мне пришло в голову, что самое интересное и наглядное исследование этого обширного континента может быть сделано с воздушного шара. Никто не преодолевал на аэростате такие огромные расстояния. Поэтому мне пришлось придумать некоторые усовершенствования, чтобы баллоном можно было управлять. Помнится, испытывал сильнейшее наслаждение, когда писал этот роман и, главное, когда производил необходимые изыскания, чтобы дать читателям по возможности реальное представление об Африке.

Кончив работу, я обратился по совету одного из друзей к издателю Этцелю. Он быстро прочёл рукопись, пригласил меня к себе и сказал: «Вашу вещь я напечатаю. Я уверен, она будет иметь успех». И опытный издатель не ошибся. Роман вскоре был переведён почти на все европейские языки и принёс мне известность…

С тех пор по договору, который заключил со мной Этцель, я передаю ему ежегодно — увы, теперь уже не ему, а его сыну[13] — по два новых романа или один двухтомный. И этот договор, по-видимому, останется в силе до конца моей жизни…

— Вас называют провидцем, месье Верн, и вы это сами знаете. Ведь во многих ваших романах содержатся удивительно точные предсказания научных открытий и изобретений — предсказания, которые постепенно сбываются. Как это объяснить?

— Вы преувеличиваете. Это простые совпадения, и объясняются они очень просто. Когда я говорю о каком-нибудь научном феномене, то предварительно исследую все доступные мне источники и делаю свои выводы, опираясь на множество фактов. Нужно их только сопоставить и мысленно продолжить во времени. Пример — «Наутилус». Подводная лодка существовала и до моего романа. Я просто взял то, что уже намечалось в действительности, и развил в воображении. Сейчас господствует паровая машина, но не за горами век электричества. И вот я погружаю капитана Немо в стихию, которая даёт ему возможность не только получать двигательную силу — электрическую энергию из самого океана, — но и добывать в морской пучине всё необходимое для жизни. Не сомневаюсь, настанет день, когда люди смогут эксплуатировать недра океана так же, как теперь золотые россыпи… Когда-то я принимал участие в опытах с моделями летательных аппаратов тяжелее воздуха. Сейчас достигнуты ощутимые результаты. Правда, ещё нет надёжного двигателя, но он появится. Могу сказать без малейшего колебания — будущее принадлежит авиации. Отсюда — электрический геликоптер Робура. Я верю в могущество науки и нисколько не преувеличиваю её возможностей. Поэтому некоторые из моих предположений, высказанных несколько десятилетий назад, действительно в какой-то степени подтвердились. Позднее, наверное, подтвердятся и многие другие…

Что же касается точности описаний, то этим я обязан всевозможным выпискам из книг, газет, журналов, различных рефератов и отчётов, которые у меня заготовлены впрок и исподволь пополняются. Все эти заметки тщательно классифицируются и служат материалом для моих романов. Ни одна моя книга не написана без помощи этой картотеки. Я внимательно просматриваю двадцать с лишним газет, прилежно прочитываю все доступные мне научные сообщения, и, поверьте, меня всегда охватывает чувство восторга, когда я узнаю о каком-нибудь новом открытии…

— Ваши герои всегда путешествуют. Ну, а сами вы, месье Верн, разве вы не любите путешествовать?

— Очень люблю, вернее, любил. Пока позволяло здоровье, я проводил значительную часть года на своей яхте «Сен-Мишель». Я дважды обогнул на ней Средиземное море, посетил Италию, Англию, Шотландию, Ирландию, Данию, Голландию, Скандинавию, высаживался на Мальте, в Испании, Португалии, заходил в африканские воды… Эти поездки очень пригодились мне впоследствии при сочинении романов.

Я побывал даже в Северной Америке. Это случилось в 1867 году. Одна французская компания приобрела океанский пароход «Грейт Истерн», чтобы перевозить американцев на Парижскую выставку… Мы посетили с братом Нью-Йорк и несколько других городов, видели Ниагару зимой, во льду… На меня произвело неизгладимое впечатление торжественное спокойствие гигантского водопада. Поездка в Америку дала мне материал для романа «Плавающий город».

Море — моя стихия, моя страсть. Самому мне стать моряком не довелось, но во многих моих книгах действие происходит на морских просторах…

Почти каждый посетитель задавал писателю дежурный вопрос:

— Месье Верн, вы один из самых популярных и самых плодовитых романистов. Не сочтите нескромным моё любопытство, но хотелось бы знать, как вам удаётся… в вашем возрасте… сохранять такую завидную работоспособность?

На этот вопрос Жюль Верн отвечал с плохо скрытым раздражением:

— Не надо меня хвалить. Труд для меня — источник единственного и подлинного счастья… Это — моя жизненная функция. Как только я кончаю очередную книгу, я чувствую себя несчастным и не нахожу покоя до тех пор, пока не начну следующую. Праздность является для меня пыткой.

— Да, я понимаю… И всё же вы пишете с такой лёгкостью…

— Это заблуждение! Мне ничего легко не даётся. Почему-то многие думают, что мои произведения — чистая импровизация. Какой вздор! Чтобы роман понравился, нужно изобрести совершенно необычную и вместе с тем оптимистическую развязку. И когда в голове сложится костяк сюжета, когда из нескольких возможных вариантов будет избран наилучший, только тогда начнётся следующий этап работы — за письменным столом. Окончательный же текст получается после пятой или седьмой корректуры. Происходит это потому, что яснее всего я вижу недостатки своего сочинения не в рукописи, а в печатных оттисках… К тому же ещё я должен учитывать запросы и возможности юных читателей, для которых написаны все мои книги. Работая над своими романами, я всегда думаю о том — пусть иногда это идёт даже в ущерб искусству, — чтобы из-под моего пера не вышло ни одной страницы, которую не могли бы прочесть и понять дети.

— А что вас заставило переселиться в Амьен?

— Желание избавиться от шума и сутолоки. Я пишу ежедневно с пяти утра до полудня. Такой распорядок жизни потребовал некоторых жертв. Чтобы ничто не отвлекало от дела, я променял Париж на тихий провинциальный город. И поступил правильно.

В заключение собеседник обычно спрашивал об общем замысле «Необыкновенных путешествий» и дальнейших планах писателя. Жюль Верн отвечал:

— Я поставил своей задачей описать в «Необыкновенных путешествиях» весь земной шар, природу разных климатических зон, животный и растительный мир, нравы и обычаи всех народов планеты. Следуя из страны в страну по заранее установленному плану, я стараюсь не возвращаться без крайней необходимости в те места, где уже побывали мои герои. Мне предстоит ещё описать довольно много стран, чтобы полностью расцветить узор. Но это сущие пустяки по сравнению с тем, что уже сделано. Быть может, я ещё закончу мою сотую книгу! Закончу обязательно, если проживу ещё пять или шесть лет…[14]

— И вы знаете, чему будет посвящена ваша сотая книга?

— Да, я часто думаю об этом. Я хочу в своей последней книге дать в виде связного обзора полный свод моих описаний земного шара и небесных пространств и, кроме того, напомнить о всех маршрутах, которые были совершены моими героями… Но независимо

от того, успею я выполнить этот замысел или нет, могу вам признаться, что у меня накопилось в запасе несколько готовых рукописей, которые будут изданы после моей смерти…

2

Жюль Верн скончался семидесяти семи лет, 24 марта 1905 года, так и не успев написать задуманную сотую книгу. Но то, что он выполнил за четыре с лишним десятилетия непрерывной работы над «Необыкновенными путешествиями», — колоссальный творческий подвиг: шестьдесят три романа и два сборника повестей и рассказов, занимающих в первых изданиях Этцеля девяносто семь книг, — всего около тысячи печатных листов или восемнадцати тысяч книжных страниц!

И это не считая статей и очерков, многочисленных пьес и научно-популярных географических трудов. Главный из них — «История великих путешествий».

Конечно, значение писателя определяется не количеством опубликованных книг, а новизной его творчества, богатством идей, художественными открытиями, которые делают его непохожим на других.

В этом смысле Жюль Верн — настоящий новатор. В истории мировой литературы он — первый классик научно-фантастического романа, замечательный мастер романа путешествий и приключений, блестящий пропагандист науки и её грядущих завоеваний.

Он довёл до высокого совершенства художественную форму приключенческого романа, обогатив его новым содержанием и подчинив пропаганде научных знаний.

Наука в его романах неотделима от действия. На ней, собственно, и держится замысел. Читатель незаметно воспринимает какую-то сумму сведений, сплавленных с самим сюжетом. И в этом — не только мастерство романиста, но и огромная просветительная роль его «Необыкновенных путешествий», сопутствующих многим поколениям школьников разных стран и народов.

Фантастика произведений Жюля Верна основана на научном правдоподобии и нередко на научном предвидении.

Открытия и изобретения, которые ещё не вышли из стадии лабораторного эксперимента или только намечались в перспективе, он рисовал как уже осуществлённые — с заглядом, как выяснялось позднее, на 30, 40, 50, а то и на 100 лет вперёд. И этим объясняются столь частые совпадения мечты фантаста с её последующим воплощением в жизнь.

Жюль Верн «усовершенствовал» все виды транспорта — сухопутные, морские, подводные и воздушные, — «построил» межпланетный лунный снаряд, «запустил» искусственный спутник, «сконструировал» множество электрических приборов, «изобрёл» телевизор и звуковое кино, аппараты искусственного климата и немало других замечательных вещей, предвосхитивших реальные достижения науки.

Инженерная фантастика в романах Жюля Верна утвердилась на равных правах с географической.

Путешественники, созданные воображением писателя, исследуют вулканы и глубины морей, проникают в недоступные дебри, открывают новые земли, стирая с географических карт последние «белые пятна».

Гаттерас достигает Северного полюса, Немо водружает свой флаг на Южном, Эрик Герсебом («Найдёныш с погибшей «Цинтии») совершает кругосветное плавание в арктических водах, доктор Фергюссон («Пять недель на воздушном шаре») открывает истоки Нила и т. д.

Последующие исследования подтвердили справедливость многих географических прогнозов Жюля Верна, особенно в произведениях, изображающих экспедиции в Арктику.

Вместе с новым романом в литературу вошёл и новый герой — рыцарь науки, бескорыстный учёный, чьи дела и свершения, опережая реальные возможности времени, устремлены в будущее.

Герои «Необыкновенных путешествий» не только проникают в тайны природы, познают неведомое, изобретают, конструируют, строят, но и участвуют в освободительных войнах, выступают с оружием в руках на стороне угнетённых.

И они же, герои «Необыкновенных путешествий», пытаются претворить мечтания о совершенном обществе будущего, где восторжествует полная справедливость, исчезнут угнетение и неравенство, где высшие завоевания науки и техники будут служить общему благу.

Так возникают в романах Жюля Верна (в духе предначертаний французских утопистов) образцовые трудовые общины, идеальные города-государства. К инженерной и географической фантастике присоединяется фантастика социальная.

Под этим углом зрения и нужно рассматривать «Таинственный остров».

3

«Робинзонады», — вспоминал Жюль Верн на склоне лет, — были книгами моего детства, и я сохранил о них неизгладимое воспоминание. Я много раз перечитывал их, и это способствовало тому, что они запечатлелись в моей памяти. Никогда впоследствии при чтении других произведений я не переживал больше впечатлений первых лет. Не подлежит сомнению, что любовь моя к этому роду приключений инстинктивно привела меня на дорогу, по которой я пошёл впоследствии. Эта любовь заставила меня написать «Школу Робинзонов», «Таинственный остров», «Два года каникул», герои которых являются близкими родичами Дефо и Виса.[15] Поэтому никто не удивится тому, что я всецело отдался сочинению «Необыкновенных путешествий».

«Таинственный остров» принадлежит к циклу романов-«робинзонад», занимающих в творчестве Жюля Верна особое место.

Само слово «робинзонада» вошло в литературу ещё в XVIII веке, когда во многих европейских странах стали появляться один за другим десятки книг, написанных под влиянием «Робинзона Крузо» (1719), всемирно известного романа, принадлежащего перу английского писателя Даниеля Дефо. В «робинзонадах» изображается полная превратностей трудовая жизнь либо одного человека, либо небольшой группы людей, очутившихся на необитаемом острове.

В XIX веке новые образцы «робинзонад» создавали преимущественно авторы приключенческих романов, развивавшие авантюрную сторону сюжета за счёт его идейного содержания. В отличие от них «робинзонады» Жюля Верна исполнены глубокого общественного смысла, являются, можно сказать, философскими романами, несмотря на то, что они предназначены для юных читателей.

«Таинственный остров» — лучший из его романов, «робинзонад», — задуман был ещё до того, как Жюль Верн стал **Жюлем Верном.**

К началу 60-х годов относится незавершённая рукопись — первый ещё очень слабый набросок впоследствии знаменитой книги. На титульном листе выведено крупными буквами: «Дядя Робинзон».

Некая миссис Клифтон и се четверо детей — Мари, Роберт, Жан и Белла — выброшены бурей на необитаемый остров в северной части Тихого океана. Их участь разделяет бывалый французский матрос Флип, возглавивший маленькую колонию. Дети называют его «дядей Робинзоном». Через несколько дней находит свою семью и мистер Клифтон, спасшийся чудом на том же острове вместе с верным псом Фидо. Клифтон — искусный инженер Он добывает огонь, изготовляет порох, методически возделывает этот дикий уголок земли, всячески улучшая условия существования колонистов.

В дальнейшем многие персонажи и эпизоды перейдут в изменённом виде на страницы «Таинственного острова» Инженер Клифтон превратится в Сайреса Смита, матрос Флип — в Пенкрофа, Роберт Клифтон — в Герберта Брауна. Даже пёс Фидо будет действовать там под другой кличкой, а самый остров со всей его флорой и фауной, вплоть до орангутанга, окажется перенесённым в южную зону Тихого океана.

Десять лет спустя, незадолго до переселения в Амьен, Жюль Верн загорелся мыслью написать роман об удивительных результатах трудовой деятельности небольшой группы людей, очутившихся на необитаемом острове. Он решил было взять за основу рукопись «Дяди Робинзона», но Этцель, ознакомившись с «бледной робинзонадой», отверг её без всякого снисхождения:

— Советую всё это бросить и начать сначала, иначе будет полный провал.

— И всё же здесь содержится зерно романа! — уверенно ответил Жюль Верн.

Но «зерно» долго не могло прорасти. Сюжет упорно не складывался. Тем временем, «между делом», он успел написать блестящий роман «Вокруг света в восемьдесят дней», а то, что считал своим главным делом — «робинзонаду», — всё ещё никак не давалось.

Пока он обдумывал и браковал варианты, читатели продолжали присылать письма с просьбами воскресить капитана Немо и раскрыть его тайну, не разгаданную профессором Аронаксом в романе «Двадцать тысяч лье под водой». И когда в один прекрасный день писатель решил вернуться к истории Немо, а заодно также связать сюжетные линии новой «робинзонады», с «Детьми капитана Гранта», план созрел окончательно, и он немедленно принялся за работу.

В феврале 1873 года Жюль Верн сообщил издателю:

«Я весь отдался «Робинзону», или, вернее, «Таинственному острову». Качусь, как на колёсиках. Встречаюсь с профессорами химии, бываю на химических фабриках и каждый раз возвращаюсь с пятнами на одежде, которые отнесу на ваш счёт, потому что «Таинственный остров» будет романом о химии. Я стараюсь всячески повысить интерес к таинственному пребыванию капитана Немо на острове, чтобы исподволь подготовить крещендо…»

Роман разросся до трёх книг. Писатель в течение полутора лет отдавал ему лучшие утренние часы. «Таинственный остров», как и многие его другие романы, впервые был напечатан в «Журнале воспитания и развлечения» — юношеском журнале Этцеля — и в 1875 году вышел отдельным изданием, ещё больше приумножив славу Жюля Верна.

Благодаря счастливым сюжетным находкам от «Детей капитана Гранта» и «Двадцати тысяч лье под водой» протянулись нити к «Таинственному острову». Эти три романа образуют трилогию — трёхглавую сверкающую вершину в горной цепи «Необыкновенных путешествий».

4

Итак, «роман о химии»?..

Действительно, инженер Сайрес Смит создаёт на необитаемом острове настоящую химическую фабрику. Описание производства различных химикатов, начиная с добычи сырья, — больше, чем научные экскурсы. От благополучного исхода реакции зависит судьба колонистов. Каким образом удастся Сайресу Смиту найти выход из трудного, казалось бы, безвыходного положения? Но, как всегда, выход найден и цель достигнута: ещё раз и снова автору удаётся доказать, каким безграничным могуществом обладает человек, вооружённый знаниями!

И всё-таки «Таинственный остров» — меньше всего роман о химии.

Это роман-утопия. Клочок земли в океане, где преднамеренно собраны многие разновидности флоры и фауны чуть ли не со всей планеты, — поэтическая аллегория земного шара, отданного в распоряжение свободных людей.

С первых же строк книга захватывает читателей стремительным диалогом:

«— Поднимаемся?

— Какое там! Книзу идём!

— Хуже, мистер Сайрес! Падаем!

— Боже мой! Балласт за борт!

— Последний мешок сбросили!

— Как теперь? Поднимаемся?

— Нет!»… и т. д.

Четверо мужчин и один мальчик попадают на заброшенный в океане необитаемый остров. Это произошло 23 марта 1865 года. Кто они, герои романа? Участники гражданской войны в США, военнопленные южан-сепаратистов,[16] вырвавшиеся из Ричмонда на аэростате. Не случайно они назвали свой остров «в честь благороднейшего гражданина Американской республики», президента Авраама Линкольна, борца за освобождение негров, павшего от руки фанатика в апреле того же 1865 года.

Остров Линкольна, куда ветер заносит беглецов, — благодатный уголок. Здесь собраны все богатства природы, какие только могут понадобиться человеку в его трудовой деятельности. Это один из тех островов, которые «созданы как бы специально для того, чтобы бедняги вроде нас могли легко выйти из всякого затруднения», говорит один из колонистов.

Благодаря знаниям своего руководителя инженера Сайреса Смита и благодаря своему собственному уму «они сумели поставить себе на службу животных, растения и минералы острова, то есть все три царства природы».

Инженер Сайрес Смит — главный герой романа — образ человека будущего, человека, покорившего природу и освобождённого от всяких пут. Неистощимая энергия, трудолюбие, сила воли, предприимчивость, находчивость, великодушие, отвага, дерзновенная мысль, разносторонние знания — в нём сосредоточены все лучшие качества, которые помогут человеку завоевать свободу и овладеть вселенной.

В наше время, в век научно-технической революции, такой человек, как инженер Смит, кажется прямым предшественником передовых людей XX века. Писатель прозревает грядущие дали, предвосхищая не только завоевания техники, но и образы новых людей.

В уста Сайреса Смита он вкладывает свои мечты о будущем человечества.

Колонисты размышляют о том, что станет с людьми и что заменит им минеральное топливо, когда запасы угля иссякнут. Инженер отвечает: вода, разложенная на свои составные элементы. «Да, я уверен, что наступит день, и вода заменит топливо; водород и кислород, из которых она состоит, будут применяться и раздельно; они окажутся неисчерпаемым и таким мощным источником тепла и света, что углю до них далеко!.. Следовательно, бояться нечего. Пока землю населяют люди, она их не лишит своих благ, ни света, ни тепла… Словом, я уверен, когда каменноугольные залежи иссякнут, человек превратит в топливо воду, люди будут обогреваться водой. Вода — это уголь грядущих веков».

Какая смелая мысль и как созвучна она научным исканиям нашего времени, пусть и с поправками на достижения техники, выходящие за пределы воображения автора! Чем больше узнают люди, тем больше остаётся непознанного. Наука, как и природа, неисчерпаема. На замечание Пенкрофа — «Толстенные книги получатся, если записать всё, что люди знают» — Сайрес Смит отвечает: «А ещё толще книги можно написать о том, чего люди до сих пор не знают».

Герои романа, попавшие на необжитую землю, оказываются на первых порах в положении куда более трудном, нежели их предшественник Робинзон Крузо, которому удалось захватить с корабля все необходимые инструменты и припасы. «Робинзонам», потерпевшим крушение в воздухе, действительно пришлось проделать как бы заново весь путь, пройденный человечеством: начать с добывания огня, изготовления лука и стрел, примитивных орудий труда, необходимой домашней утвари, а потом уже, с помощью первобытных инструментов, создать более сложное оборудование и приступить к большим работам.

В отличие от Робинзона Крузо, герои «Таинственного острова» не ограничиваются охотой, скотоводством и земледелием. Они строят мосты, проводят каналы, воздвигают плотины, осушают болота, добывают полезные ископаемые, плавят металлы, сооружают машины, устанавливают электрический телеграф, занимаются научными изысканиями.

На «химической фабрике» Сайреса Смита изготавливаются кислоты и щёлочи, глицерин, стеарин, мыло, свечи, порох, пироксилин, оконные стёкла и стеклянная посуда. Колонисты занимаются сахароварением, налаживают выработку войлока и т. д.

Как верно подметил рецензент одной из старых русских газет, «этот роман, так сказать, в ракурсе — история европейской цивилизации в связи с историей развития науки».

Мы не просто следим за всеми операциями, но как будто и сами участвуем в повседневной деятельности этих людей, связанных братской дружбой, — настолько точно, зримо и образно изображены трудовые процессы.[17]

Свободный труд свободных людей, живущих на свободной земле, творит чудеса. Здесь каждый трудится для себя и одновременно для всего коллектива. Плоды совместного труда становятся общим достоянием. Для каждого в отдельности и для всех вместе созидательный труд является первейшей жизненной потребностью. Здесь не существует ни денег, ни частной собственности, ни присвоения чужого труда. Здесь — все за одного и один за всех.

Боцман Айртон, проведший двенадцать лет на необитаемом острове, потерял человеческий облик, превратился в дикаря. «Горе тому, кто одинок, друзья! — восклицает Сайрес Смит. — По-видимому, одиночество быстро погубило рассудок этого человека, раз вы нашли его в таком жалком состоянии».

Жюль Верн как бы вступает в спор с «Робинзоном Крузо» Дефо, доказывая, что человек может жить и совершенствоваться только среди людей, что Робинзона неминуемо постигла бы участь Айртона. И чтобы дать ему возможность провести на клочке суши, отрезанном от всего мира, целых двенадцать лет, автор нарочно путает даты, утверждая, что Айртон был оставлен на острове в 1854 году (а не в 1865-м, как сказано в «Детях капитана Гранта»).

И тут надо напомнить, что воображаемый остров Линкольна Жюль Верн поместил в 150 милях от реального Табора, лежащего на 153° западной долготы и 37°11′ южной широты. Этот уединённый островок обозначен на географических картах как риф Мария-Тереза, но в прежние времена его именовали ещё Табором. Отсюда и рассеянность Жака Паганеля, забывшего, что у этого островка есть и второе название. На Таборе нашли приют спасшиеся во время крушения «Британии» капитан Грант с двумя матросами. И сюда же был высажен за свои преступления боцман Айртон, дошедший в одиночестве до полного одичания.

Но стоило только Айртону попасть в человеческое общество, присоединиться к группе свободных тружеников во главе с Сайресом Смитом, как к нему снова вернулся разум. Дикарь стал человеком, закоренелый негодяй — честным работником.

Исповедь Айртона — по смыслу ключевая глава романа — и появление Роберта Гранта, ставшего капитаном яхты «Дункан», соединяют «Таинственный остров» с первым томом трилогии.

Там же, в подводном гроте острова Линкольна, обретает последнее прибежище со своим «Наутилусом» постаревший капитан Немо.

«Он стал наблюдать за своими соседями, выброшенными на необитаемый остров и лишёнными самого необходимого… Мало-помалу, видя, какие это благородные, энергичные люди, какой братской дружбой они связаны меж собой, он заинтересовался их борьбой с природой. Волей-неволей он проник во все тайны их жизни… Да, эти люди… были достойны всякого уважения и могли бы примирить капитана Немо с человечеством, ибо являлись благороднейшими его представителями».

Автор опять сдвигает хронологию, утверждая, что события, изображённые в «Двадцати тысячах лье под водой», происходили шестнадцать лет назад, тогда как известно, что действие в обоих романах по времени почти совпадает (вторая половина 1860-х годов). Но если бы не было перестановки дат, капитан Немо не успел бы состариться и не мог бы сказать, что живёт уже тридцать лет в морских глубинах…[18]

В финале выясняется, кто он такой: индийский принц Даккар, один из вождей восстания сипаев,[19] жестоко подавленного англичанами, потомок раджи Типу-саиба, правителя последнего независимого государства на юге Индии.

Типу-саиб — лицо историческое! — пытался вступить в союз с правительством Французской республики, был членом республиканского клуба и погиб в бою с англичанами в 1799 году.

Роман «Двадцать тысяч лье под водой» был написан в последние годы царствования Наполеона III. В полный голос писатель не мог тогда выразить свои республиканские чувства, не мог раскрыть революционное прошлое Немо. По прошествии нескольких лет, когда появилась такая возможность, Жюль Верн не преминул ею воспользоваться в последних главах «Таинственного острова». Откликаясь на просьбы читателей, он «рассекретил» биографию Немо.

«В 1857 году вспыхнуло крупное восстание сипаев. Душой его был принц Даккар. Он поднял огромные массы. Он отдал правому делу все свои дарования и своё богатство. Бесстрашно шёл он в бой в первом ряду, рисковал своей жизнью так же, как самый простой человек из этих героев, поднявшихся на борьбу ради освобождения отчизны. Он участвовал в двадцати схватках и десять раз был ранен. Но тщетно искал он себе смерти, когда последние воины, отстаивавшие независимость Индии, пали, сражённые английскими пулями».

Дальнейшая биография Даккара сливается с историей Немо, строителя «Наутилуса» и подводного странника, нашедшего независимость в глубинах морей.

А теперь, спустя много лет, капитан Немо, таинственный покровитель колонистов, с восхищением следивший за их деятельностью, осуждает себя за индивидуализм и отрешённость от мира. В предсмертной исповеди он говорит Сайресу Смиту: «Одиночество, оторванность от людей — участь печальная, непосильная… Я вот умираю потому, что вообразил, будто можно жить одному!..»

Он умирает на страницах «Таинственного острова», но продолжает жить и сражаться в романе «Двадцать тысяч лье под водой». Помощь, которую он оказывал колонистам, и его исповедь — здесь автор акцентирует свою главную мысль — соединяют «Таинственный остров» со вторым томом трилогии.

Будущее принадлежит таким людям, как Сайрес Смит и его товарищи. Созидательный труд должен быть не только обязанностью, но и естественной потребностью человека. Люди сильны только в сообществе, только в коллективе. Тот, кто хочет жить и бороться в одиночку, пусть даже и за правое дело, обречён на гибель. К таким выводам приводит читателей Жюль Верн.

5

В эпилоге романа колонисты, после благополучного возвращения в Америку, покупают участок земли в штате Айова и основывают на тех же началах новую трудовую общину — островок свободной земли среди океана земель, подчинённых буржуазным правопорядкам. «Под разумным руководством инженера и его товарищей колония процветала», — сообщает автор. Поверить ему на слово? Ведь деятельность колонистов в штате Айова выходит за рамки повествования!

Республиканец 1848 года,[20] Жюль Верн вырос на идеях Сен-Симона, Фурье, Кабе, теоретиков и глашатаев утопического социализма, мечтавших о создании совершенного общества мирным путём, без пролития крови, минуя социальные потрясения.

По мнению Этьена Кабе, автора романа «Путешествие в Икарию» (1842), мирную революцию совершит наука: «Машина несёт в своём чреве тысячу маленьких революций и великую революцию — социальную и политическую. Пар заставил аристократию взлететь на воздух!» В утопическом государстве Кабе благосостояние достигнуто с помощью техники. Машины применяются для выпечки хлеба, в строительстве, для изготовления одежды, в больницах, в сельском хозяйстве. Жители Икарии проводят в больших масштабах мелиоративные работы, владеют управляемыми воздушными шарами

и подводными лодками. Много внимания уделено развитию гигиены и медицины. Икарийцы ждут от электричества таких же благ, как и от пара. Но больше всего Кабе говорит об устройстве идеального общества. Упоминая машины разного назначения, он воздерживается от технических описаний. И это характерная черта социальной утопии XIX века, отделяющая её от инженерной фантастики.

Благодаря занимательности и живости изложения роман «Путешествие в Икарию» стал своего рода евангелием для многих тысяч людей, считавших, как и Кабе, что коммунизм можно осуществить путём наглядной пропаганды. Достаточно только создать несколько образцовых общин, чтобы пример оказался заразительным и образовалось целое «икарийское» государство, процветанию которого поможет Наука. Пытаясь претворить свои планы в жизнь, Кабе навербовал сторонников среди французских рабочих и отправился с ними за океан. В 1848 году он основал в Техасе первую общину. Позже возникло ещё несколько подобных же коммунистических общин, но враждебное окружение, внутренние неурядицы, слабая производительность труда в условиях полунатурального хозяйства показали несостоятельность этого социального эксперимента. Суровая действительность опровергла утопию. Кабе и его последователи убедились на собственном опыте, что при господствующем в государстве капиталистическом строе частичные коммунистические преобразования обречены на провал. Последняя икарийская коммуна распалась в 1895 году, когда Этьена Кабе давно уже не было в живых. «Путешествие, в Икарию» подействовало на воображение Жюля Верна. Во многих романах, и прежде всего в «Таинственном острове», он описывает деятельность трудовых общин, основанных, по сути, на тех же «икарийских» принципах: труд и знания каждого принадлежат всем. Но при этом Жюль Верн старался оградить своих героев от тех неизбежных неудач, которые терпели икарийцы.

Не потому ли утопические трудовые общины существуют в романах Жюля Верна только на необитаемых островах или… в межпланетном пространстве («Гектор Сервадак»)?

И всё же в области социальной фантастики Этьен Кабе был непосредственным предшественником и учителем автора «Необыкновенных путешествий».

На первое место Жюль Верн выдвигал научный прогресс, видя в нём с высоты своих творческих достижений источник благоденствия для всего человечества. И только позднее он сделал для себя решающий вывод в переломном романе «Робур-Завоеватель» (1886): «Успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов». Иными словами, наука может служить и добру и злу, в зависимости от того, в чьи руки она попадает и каким целям служит. Без борьбы справедливости не добьёшься!

Безупречная нравственность героев «Таинственного острова», разумно использующих научные знания только для общего блага, для добрых целей в коллективном труде, создающих при посредстве науки дружную трудовую коммуну, неподвластную законам буржуазного общества, делает их *новыми людьми,* людьми будущего, по устремлениям близкими нашему времени. Жюль Верн был и остался неумирающим спутником юности, а «Таинственный остров» — одним из самых популярных произведений в мировой детской литературе.

Евгений Брандис

Примечания

13

Пьер Жюль Этцель умер в 1886 году.

14

Это было сказано в 1902 году.

15
В романе швейцарского писателя Иоганна Рудольфа Виса «Швейцарский Робинзон» (1812) изображена трудовая жизнь на необитаемом острове не одного человека, как в «Робинзоне Крузо» Дефо, а целой семьи – отца и четырёх сыновей с разными характерами и наклонностями. В 1900 году Жюль Верн опубликовал роман «Вторая родина», задуманный как продолжение «Швейцарского Робинзона» Виса.

16
В годы гражданской войны в США сепаратисты-южане, сторонники отделения Южных рабовладельческих штатов, противостояли северянам, сторонникам единства Соединённых Штатов.

17
Сознательную неточность, дабы не вводить в искушение мальчишек, Жюль Верн допустил в описании изготовления пороха по рецепту Сайреса Смита.

18
В таком случае действие происходило бы в середине или даже в конце 1890-х годов («Наутилус» был построен в начале 60-х). А между тем колонисты покидают разрушенный подводным извержением остров 24 марта 1869 года.

19
Сипаи – индийские солдаты, состоявшие на службе у англичан (в эпоху британского колониального владычества в Индии).

20
В результате революционных событий 1848 года во Франции была свергнута Июльская монархия и провозглашена Республика.